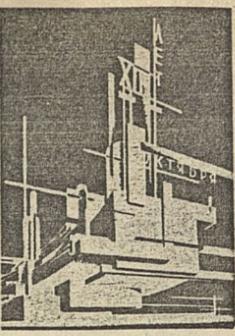

1993, 5

ЗАПИСКИ ИЗ ЗАЛА
ЗАПИСКИ ИЗ ЗАЛА

161

«Красивые люди» исчезли? У Бердяева на этот счет я читал нечто другое... Но сама мысль о «красивых людях» применительно к Лермонтову и Маяковскому — закономерна.

А

Наталья ИВАНОВА И медный всадник, и Евгений

«ЛГ-Досье». О мертвых — или хорошо, или ничего. Если многие не прочь освятить Маяковского, — значит: «...весь я не умру». Значит, он «мешает». Кому? Чем? Кажется, иные хотят, чтобы лучше его не было вообще.

Н.Иванова. Владимир Маяковский — и поэт, и реальная трагическая фигура, и миф (предание). Он, конечно же, мешает оценщикам, кто судит о мире в черно-белом варианте: да или нет.

Кто на самом деле хотел, чтобы его «лучше не было»? Те, кто канонизировал. Превратил в памятник. Советская поэзия, лирика и эпос благополучия, напроць отторгла и его поэтику, и его судьбу. «И страх / Твой порох выдает за прах! Но мрази только он и дорог!..»

Спор с Маяковским — подспудный? Под-спудом: официального (официозного) монументопоклонства. Из-под спуда этот спор вырвался, например, в поэзии и поведении Бориса Пастернака, сначала подпавшего под личное обаяние Маяковского, но ввремя увидевшего себя как бы в зеркальном отражении «маяковской» поэтики. Спор оказался в высшей степени плодотворным — в результате Пастернак стал Пастернаком, «преодолев» в себе Маяковского.

Спор с Маяковским — открытый? Демифологизирующая книга Юрия Карабчиевского «Воскрешение Маяковского», через резкое ниспровержение резко обновившая наше зрение, восприятие маяковского мира.

— В чем, на ваш взгляд, истинная революционность Маяковского — революция духа, жажда преображения жизни и человека?

— Политическая революционность Маяковского оборвалась после октября 1917 года. Кончилась — как только... «тебе отдаю, атакующий класс». Как только к штыку приврал перо. Уже не революционность — ангажированность. Революционер-государственник.

Истинно — поэтическое бунтарство, скандальность Маяковского, через голову XIX века дерзко обернувшегося к веку XVIII. Бунтарь и архаист — вместе. Посмевающий порываться поглубже символистам в поэтической родословной. Поэтому для меня его бунтарство (как и «бундетланство» Хлебникова) относительно, более того: они оба не разрушили, а укрепили раму российского стиха, «вспомнили» о прошлом.

— В чем, по-вашему, лирическая тайна трагедии Маяковского?

— Тайна трагедии Маяковского пока не разгадана, и будет ли разгадана — Бог весть. Надеюсь, что все-таки не будет (потому что тайна есть составляющая всякой личности и поэзии; без тайны, которую разгадывают интерпретатор за интерпретатором, умрет и первое, и второе). Для меня тайна его — в раздвоенности: желании быть одновременно и «эпосом», и «лирикой», и Медным Всадником (монументальность, эпос, «Владимир Маяковский», идея воплощения человека после смерти «в пароходы» и т.д.), и Евгением (душераздирающая лирика).

Артистизм Маяковского давал ему в течение какого-то периода времени возможность сочетать скандальность и репрезентативность, чередовать «эпос» и «лирику», но попытка их соединить закончилась крахом. Петр настал и раздвинул Евгений — или, скорее, живой Евгений разбил о каменную грудь Петра.

Маяковский был не столько поэтом культуры, сколько поэтом цивилизации (как Ломоносов). Маяковский — Пастернаку: «Вы любите молнию в небе, а я — в электрическом уютге». В революции, в большевиках Маяковский увидел прежде всего шанс модернизации России. Отсюда — его воспевание цивилизации и ее успехов и благ. Он ведь чаще всего не политические акции воспевае — а грамотность, уют, горячую воду, паром, «нигде кроме», автомобили, магазины, — словом, комфорт. Маяковский — поэт комфорта? Научить рабочих — своим стихом — плавать в урны, а не на тротуар? Все это принимало гротескные формы: вот воспоминание о заседании редакции ЛЕФа под водительством Маяковского: «Они только что не объявили искусством чистку дверных медных ручек...» Может быть, отсюда — и его страстный интерес к цифрам, «стали», «нефти»? И — к красоте Татьяны Яковлевой в оправе особого для него обаяния цивилизации.

— Поэт и власть. Мертвый дорожке живого? Виноват ли, что его заласкали?

— Власть его соблазняла, но он был искренен. «Насаждать» его, как известно, стали уже после смерти. Вина — в другом; не увидел, не услышал, не содрогнулся. «Слепоглухонемой» горлан.

— Можно ли представить Маяковского сегодня?

— Сегодня! Пародию на Маяковского. Впрочем, она есть и прекрасно себя чувствует, выливаясь в каждый новый исторический период из нового яйца. «Подмена, бутафория, папемаше» (О.Мандельштам, «Пшеница человеческая»). Увы нам.

Установка на скандал, эпатаж, плевок, пощечину тоже от Маяковского ведет родословную в нашей литературе. И тоже — пародийны: например, один петербургский критик пишет так, как будто специально и постоянно «нарывает»; не говоря уж о Лимонове. «Я — Владимир Маяковский». «Это я, Эдичка».

— Маяковский в вашей творческой жизни.

— Поскольку я работаю над книгой, посвященной Пастернаку, Маяковский входит в число «близких» мне сегодня фигур. Влияние его личности? Скорее — урок: власть — «не подходит близко, я — тигренок, а не киска».

— Кого бы вы назвали из сегодняшних поэтов, пишущих по-новому?

— Если поэт истинный, то всегда пишет по-новому, простите за неизбежную в ответе на данный вопрос банальность.

ДАЙТЕ СОЛНЦЕ!
НОЧЬЮ!

ГДЕ НАЙДЕШЬ ЕГО?

КУПИ ГУМЕ!

ОСЛЕПИТЕЛЬНО И ДЕШЕВО

Л.АННИНСКИЙ

ТЫ КРАСИВ, БЛБЛЕРО!

Кажется, Ахматова сказала, что Маяковский до революции — Лермонтов, а после революции — плакат. Согласны ли вы с этой оценкой?

Согласен, но лишь как с обозначением проблемы. Сразу возникает вопрос: а до революции в Маяковском было что-то, предвещающее «плакат»? И другой вопрос: а в эпоху «плаката» Маяковский — только плакат? Или «плакатом» прикрывалось что-то неистребимо лермонтовское?

Что роднит Маяковского с Лермонтовым? Не та же, в частности, тоска по человеку, выразившаяся в отчаянном: «Нет людей, понимаете? — крик тысячедневных мук!» — и безнадежность итога: «в 1916 году из Петрограда исчезли красивые люди...»

Нет, роднит другое. Тоска по человеку — состояние слишком всеобщее, оно не выявляет психологического склада, а у поэтов это самое интересное. Лермонтов и Маяковский по складу — «мальчишки», вечные мальчишки, бунтующие, дерзкие и хрупкие. Приложите эту характеристику, скажем, к Некрасову и Фету — абсурд! Те — мужи, они и крепче, и не бунтуют так безобразно. А ведь «тоска по человеку» — и у них тоже. Это при том, что Фет и Некрасов — очень контрастная пара, по-своему антиподы. И все-таки: «Там человек сгорел...» Сгорел и у Маяковского, но совершенно по-другому. У Маяковского человек — «нарвался». Дерзил, дерзил и нарвался... Да он ли один?

«Красивые люди» исчезли? У Бердяева на этот счет я читал нечто другое... Но сама мысль о «красивых людях» применительно к Лермонтову и Маяковскому — закономерна. Комплекс «мальчишка»: красив ли я? «Иду, красивый, двадцатидвухлетний...» Или, наоборот, прийти и бросить с вызовом: а я — не красив! Сказать об одном из красивейших мужей Европы с чувством соперничества: «Нет, я не Байрон, я — другой...» Это ж то же самое.

Теперь — к Маяковскому: плакатный человек по определению — красив. Плакат — это проект идеального человека, наивная надежда создать такого человека.

Не оттого ли плакат, что надежды не оправдались: красивые люди не вернулись и в 1921 году: в «Стихах о Дряни» поэт с ужасом видит, как выглянуло из-за спины РСФСР «мурло мешанина»? Вернется ли? Ваш прогноз?

А «эрэсэфэсэр» — красивое слово? Его хоть один «русак» мог произнести без натуги? А сейчас может? Про «мурло» чуть позже, а сейчас про «красавцев», которые исчезли и не вернулись.

* Попутая реплика из французского фильма.

ЛУЧШИХ СОСОК НЕ БЫЛО И НЕТ

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДЕ
РЕЗИНОТРЕСТ

Никуда они не исчезали и неоткуда им возвращаться. Бердяев вспоминал: в 1914 году появился новый тип русского человека: «антропологически» новый. Этот выбранный офицер, этот подобравшийся солдат, этот «человек с ружьем» — некрасив? Да, некрасив, если отсчитывать от его предшественника и антипода: либерала мирного времени. Тот был раздумчив и развесист: увешан звездами, бакенбардами. Декоративно-неторопливый, вдумчиво-непроницаемый. Прототип Каренина-Аблеухова. Конечно, рядом с ним азиатски-быстрый, жестокий, гладко выбритый «зверь» 1914 года — «некрасив». Но и красив по-своему. Посмотрите на Гумилева (старшего)... Африку ему подай! Агрессор неудержимый. Ударил агрессию в сердце русского человека, широкого, доброго, мечтательного, рыхлого. А что делать, когда война мировая накатывается? А потом эта же агрессивность — по-скорпионски — самое себя... «Мальчик» схватил браунинг... Далее — судьба Маяковского.

«Мурло мешанина»? Плакат пренаивнейший. И бестактный. Вот когда мы с нашими диктатурами довелись до полуголодного существования и «мурло» снова понадобилось, чтобы нас накормить, — оно даже красивым показалось. Молока хочется? А корову доить не пробовали? Все больше по звездам летали да по дальним рубежам гуляли? Ничего, проголодайтесь — и доярка покажется королевой красоты. «Весна была такой молоденькой, такой веселой и бедовой, она казалась мне молочницей с эмалированным бидоном...» Ах, простите, это уже не Маяковский, это Панкратов. А что, тоже ведь красив!

